

О. М. Гончарова

КРЫМ КАК ВИЗАНТИЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)

В русском национальном самосознании Крым издавна стал одним из самых популярных этнокультурных символов. Такие символы имеют мифо-легендарный характер и не требуют «обоснования подлинности их бытия», но являются истинными и хорошо понятными «представителям тех этнических культур, в контексте которых они сложились и функционировали»¹. В смысловом пространстве русской культуры образ Крыма уже изначально был наделен особым статусом, что фиксирует «Корсунская легенда», обозначая «источники» и «первоначала», то есть византийские контексты русской теократии. Правда, зачастую кажется, что этим мифологическая семантика образа и ограничивается, что в системе византийских сюжетов, постоянно реализовывавшихся на русской почве, он занимал достаточно скромное место. Между тем внимание к Крыму с конца XV века становится все более пристальным и постоянным, и связано оно было с доминантной для русского этнокультурного мышления идеей «Византийского наследия».

Эта идея инициировала в средневековой Руси целый ряд текстов («Сказание о князьях Владимирских», «Послание о Мономаховом венце», «Повесть о белом клобуке» и др.), событий, культурных и государственно-политических мероприятий, которые не столько были связаны с Византией, сколько выражали особый уровень самооценки России и русского. Византийско-константинопольские контексты

---

¹ Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы = The Picture of the Slavic World: the View from the Eastern Europe: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. С. 202.

и порождают формулу «Москва — третий Рим», и определяют постоянное, настойчивое стремление русских «освобождать Царьград»². Это стремление надолго сохранит свой внутренний семантический потенциал и обаяние. Ф. И. Тютчев напишет, например: «Москва и град Петров и Константинов град — / Вот царства русского заветные столицы»³. Хотя мы знаем, что Константинополь так и не стал русским городом, эти строки отнюдь не поэтическая вольность, они основаны на вполне закономерной национальной мифопоэтической логике, на мифо-легендарной «русской географии». В системе этнокультурных координат Константинополь, как и сама Византия, действительно были «присвоены» Россией, поскольку во второй половине XVIII века их заменой стал Крым.

Для того чтобы понять возможность такого ментального образования, следует учесть ряд факторов. Прежде всего — особое отношение к пространству, поскольку русскому сознанию, как показал Ю. М. Лотман, всегда было свойственно моделировать *собственное, русское* в пространственно-географических категориях⁴. Ведущая роль этих категорий «в построении священного космоса русской жизни» порождает и особый «русский хронотоп»⁵, и «власть пространства над русской душой»⁶. В этой ментальной перспективе обретение чужого пространства или чужого «царства» обеспечивало в представлениях русского Средневековья и присвоение его царственной мощи, его сакрального или имперского авторитета. При этом необходимым обозначением свершившегося события становилась операция перенесения/усвоения каких-либо атрибутов или знаков присвоенного пространства. Невозможность завоевания Константинополя не разрушает целост-

² См.: Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 175.

³ Тютчев Ф. И. Русская география // Полн. собр. стихотворений. Л., 1987. С. 152.

⁴ См.: Лотман Ю. М. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах // Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 407–412.

⁵ Терехихин Н. М. Богословие русской земли или геософия русской души: (К разработке начал православной культурной антропологии) // Концепты: Научные труды Центроконцепта. Архангельск, 1997. Вып. 2. С. 134.

⁶ Бердяев Н. Судьба России: Опыт по психологии войны и национальности. М., 1990. С. 64.

ности построенной идеологемы, структура мифа рождает другие решения: Московское царство присваивает себе византийское наследие через метонимические или метафорические его замещение. Это, например, и «шапка Мономаха», и приобретенный уже при Алексее Михайловиче «крест Константинов», и вообще любые «византийские» жесты в государственной практике. Аналогичное знаковое перенесение можно обнаружить и при Екатерине II. В 1788 году в Царском Селе состоялось освящение Софийского собора, построенного Ч. Камероном и недвусмысленно уподобленного константинопольской Софии, что было хорошо понятно современникам, включая даже иностранных дипломатов. Английский посланник лорд Мальмсбюри писал, что Екатерина «строит в Царском Селе город, который будет называться Константинополем»⁷.

Так было и с историей женитьбы в 1472 году великого князя Иоанна III на Софье Палеолог. Реально этот брак не имел каких-то особых следствий, однако инициировал целый ряд «присоединений», которые удостоверяли право российских монархов на константинопольский престол. Самое известное из них — принятие византийского герба. Иоанн, как пишет Н. М. Карамзин, «по свойству с царями греческими, принял и герб их, орла двуглавого, соединив его на своей печати с московским: то есть на одной стороне изображался орел, а на другой всадник, попирающий дракона»⁸. Но одновременно и сама Москва получает право быть Византией-Константинополем: «...все думали <...> что сам Бог посылает ему столь знаменитую невесту, *отрасль царственного древа, коего сень покоила некогда все христианство православное* <...> что сей благословенный союз, напоминая Владимиров, сделает Москву как бы новую Византию и даст монархам нашим права императоров греческих. <...>... с сего времени столица Иоаннова могла действительно именоваться новым Царемградом, подобно древнему Киеву»⁹. В этом фрагменте «Истории государства Российского» интересно и уподобле-

⁷ Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. № 7. Стб. 154.

⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Калуга, [1993]. Т. 6. С. 203.

⁹ Там же. С. 199, 203.

ние Иоанна III Владимиру, а Киева — Константинополю. Последнее сравнение, казалось бы, имеет совершенно баснословный характер, но появляется оно как значимый элемент общей национально-исторической концепции Карамзина уже в самом начале текста «Истории», где говорится о Киеве времен Владимира Святого: «Адам Бремениский именуется главным украшением России и даже вторым Константинополем»¹⁰, а затем — и об эпохе Ярослава, который хотел, «чтобы столица его <...> могла справедливо называться вторым Царемградом»¹¹. Для Карамзина-историка такое уравнивание вполне правомерно, поскольку исходит из особой мифологической логики. Та же «Корсунская легенда» демонстрирует аналогичный механизм «присвоения»: женитьба на цареградской царевне Анне уравнивается взятию крымского города Корсуня, а типичный для русского пространственного мышления принцип метонимического переноса позволяет и в столице владений Владимира увидеть черты Константинополя. Такие концептуализации, принадлежащие, казалось бы, только прошлому и утраченные позднее русским мышлением, на самом деле оказываются очень устойчивыми. Они могут быть актуализованы как внутренне присущий элемент «семантической памяти» культуры в самых неожиданных вариантах и в самое разное время. В 1940 году, например, молодой поэт Д. Самойлов пишет очень неожиданное для своего времени стихотворение «Софья Палеолог». Здесь предметом поэтической рефлексии является традиционное для русской «речемысли» превращение Москвы в Третий Рим, обеспеченное присвоением/добыванием царственной невесты: «И где пределы торжеству, / Когда — добытую жар-птицу — / Везли заморскую царицу / В первопрестольную Москву / <...> / Полуулыбкой губ бескровных / Она встречала Третий Рим»¹².

Символично-метафорические интерпретации тем не менее не отрицают и реального желания не только воевать за освобождение Царьграда, но и присвоить его себе. Идея образования «новой Византии» возникает при сыне Ивана III и Софьи Палеолог — Василии Ивановиче, которому Максим Грек пытался «внушить <...> мысль о воз-

¹⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 120.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 157.

¹² Самойлов Д. Стихотворения. М., 1985. С. 274.

возможности образования новой Византийской империи»¹³. Крым в связи с византийским наследием появляется чуть позже — при Иване Грозном; в необходимости его завоевания убеждал царя Андрей Курбский¹⁴. В целом проект соответствовал идеологическим интенциям Московского царства, которое и получило именование «царство» после взятия Сибирского, Астраханского и Казанского ханств, что в сознании современников обеспечило присвоение царственного наследия и Византии, и Золотой Орды. Особенно важным мероприятием стало завоевание Казани, которое, как показала М. Б. Плюханова, символически соотносилось с завоеванием Константинополя¹⁵. Именно этими причинами обосновывал свой новый титул — «царь» («титло царского именованья») — Иван Грозный, чем приводил в недоумение иностранных дипломатов, не разумевших особой логики русских. Ведь на Руси издавна «царями» называли византийских императоров, ханов Золотой Орды, а также и преемников последней — ханов Казанского, Астраханского и Крымского. Как видим, в предложениях Андрея Курбского — героя Казанской осады и автора записок о ней — были свои резоны: не завоеванной и не присвоенной пока оставалась последняя часть этого своеобразного геополитического имперского пространства — Крымское ханство. Невнимание Грозного к такой задаче можно, по всей видимости, объяснить не только взятием Казани, но и тем, что Крым в те времена мыслился русской территорией. На старинных картах с их специфическим статусом (прежде всего — недоступностью для иностранцев) Крым всегда включался в состав русских земель, с указанием, правда, что ныне там находится «Крымская орда»¹⁶. Считалось также, что Черное море издавна называлось Русским морем, как и Керченский пролив — Русской рекой. Следует учитывать в данном случае и еще одну «географическую» мифологию,

¹³ Иконников В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869. С. 294–295.

¹⁴ См.: Медведева И. Таврида: Исторические очерки и рассказы. Л., 1956. С. 66.

¹⁵ См.: Плюханова М. Б. Сюжеты и символы Московского царства. С. 177–190.

¹⁶ См.: Ловягин А. М. Исторические и библиологические очерки. Пг., 1917. Вып. 1. С. 86.

которая имела общеславянский характер и проявила себя в русской книжности уже в середине XVI века. Речь идет о легендарном «даре» Александра Македонского: согласно источникам (с небольшими расхождениями), славянам были дарованы огромные территории Европы, в том числе и все морские южные побережья¹⁷. Такие «исконные» притязания русских настойчиво оспаривались турецкой стороной, считавшей, что «Россия требует земель, которые ей никогда в прошлом не принадлежали»¹⁸.

Тем не менее мысль о войнах за Крым становится все более настойчивой. Об этом писал царю Алексею Михайловичу Юрий Крижанич, после чего и начинаются многочисленные русско-турецкие войны. Их активно вели и Федор Алексеевич, и царица Софья, в царствование которой В. Голицын пишет трактат о Крымском ханстве и «план присоединительного похода». Но реальные попытки завоевания Крыма в 1687–1689 годах окончились разгромом русских войск. Как видим, чем дальше отходила в глубь истории дата падения Византии, тем все больший интерес к Крыму испытывало русское государство.

И русская культура Нового времени сохраняет ту же ориентацию и использует те же механизмы смыслообразования. При Петре вновь актуализуется русский «византизм»: в этом контексте становится понятным на первый взгляд парадоксальное уподобление Петербурга Константинополю, о чем свидетельствует такой мифо-легендарный текст, как повесть «О зачатии и здании царствующего града Санктпетербурга». Сам Петр откровенно уподоблялся Константину Великому («Сказание о рождении Петра Первого» П. Крекшина и «Сравнение свойств и дел Константина Великого <...> с свойствами и делами Петра Великого» И. Голикова) и, одновременно, Владимиру Святому («Владимир» Ф. Прокоповича). Начинает Петр и новую русско-турецкую войну. Хотя и «неудачные», южные походы Петра не только продолжают традицию, но и актуализуют ее доселе неявные смыслы. Так, например, в панегирическом «Феатре, или Зерцале монархов», опубликованном на греческом и русском языках, Петр именуется

¹⁷ Подробнее см.: Мильников А. С. Картина славянского мира... С. 46–94.

¹⁸ Анисимов Е. Россия без Петра. Л., 1994. С. 421.

«дружелюбцем греков», которые надеются, что «подаст всевышний бог, дабы Греция <...> возвратилась в свое состояние»¹⁹. Не случайно именно в это время по поручению Петра пишется и «История Царьградская» И.-В. Паузе (1711).

Еще более определенно Крым и Византия связались воедино при Анне Иоанновне — племяннице Петра, лелеявшей мечты о завоевании Константинополя и продолжившей военные действия в Крыму (1735—1739). Их семантика была очень хорошо понятна современникам. Показательна в этом плане ода Ломоносова 1739 года, посвященная взятию малозначительной турецкой крепости Хотин. Написанная за пределами России человеком, уже несколько лет живущим в Германии, она тем не менее вполне откровенно выражает естественную для русского интерпретацию событий и связывает действия Анны Иоанновны с продолжением дел Ивана Грозного и Петра, а также и с судьбой Греции/Византии. И фельдмаршал Миних писал в своем «Генеральном плане войны» о том, как он мыслит итоги крымских походов: «Год 1737. Е. и. в. полностью подчинит себе Крым <...>. Год 1738. <...> Греки спасутся под крылами Российского орла. Год 1739. Знамена и штандарты Е. и. в. будут водружены... где? — в Константинополе. В самой первой, древнейшей греко-христианской церкви, в знаменитом восточном храме Святой Софии в Константинополе, она будет коронована как императрица греческая <...> Вот — слава! Вот — Владычица!»²⁰ Разгром Крыма, хотя и не имевший практических последствий из-за «провальных» действий русской дипломатии, тем не менее показал и Европе, и Турции, что «Россия уже не оставит Крым в покое»²¹.

Свою итоговую концептуализацию приобретает Крым во времена Екатерины Великой. Теперь это уже не только «дорога в Византию», но и сама Греция/Византия. Такая манипуляция значениями была очень талантливо организована Екатериной и выражала ее основные государственно-политические стратегии. Целый ряд активных и разнообразных мероприятий по исполнению ее знаменитого «греческого

¹⁹ Панегирическая литература Петровского времени. М., 1979. С. 70.

²⁰ Цит. по: Анисимов Е. Россия без Петра. С. 410—411.

²¹ Там же. С. 419.

проекта» стал мифо-легендарной основой новой национальной идеологии, окончательно оформившей и в русском, и в европейском сознании концепцию русского имперского мессианизма и основные параметры образа «древней и великой Российской империи».

Широко пропагандируемый в самых различных формах замысел завоевания Византии воспринимался как политическая реальность и в Европе, обсуждавшей в основном непомерные имперские амбиции Екатерины, и в России, где этот план был восторженно встречен современниками. Они воспринимали замыслы императрицы как реализацию давней и излюбленной русской мечты: «Освободит Россия вас / И обновит Афински стены»²²; «Орлы твои Афин достигнут / И вольность Греции воздвигнут»²³; «Се Константин восстал! Ликуйте мудры греки: / Возобновятся вам прошедши сладки веки»²⁴; «Афинам возвратить Афины, / Град Константинов Константину»²⁵. В контексте «греческого проекта» родилась и грандиозная поэма М. М. Хераскова «Владимир», в которой проявила себя, наряду с общей религиозно-мистической семантикой, и идея исторического прецедента, удостоверяющего правомочность завоевания «неукротимого Тавра». В финале поэмы Владимир Святой видит, как покоряют Крым и возвращают «российский Вифлеем <...> древний град Херсон» воины Екатерины²⁶.

«Преклоненный» Екатериной «Тавр» вызывает исторические ассоциации и Г. Р. Державина, откликнувшегося на взятие Измаила: «Не вновь ли то Олег к Востоку / Под парусами флот ведет, / И Ольга к древнему потоку / Занятый ею свет лиет? / Иль Россов идет дух военный, / Христовой верой провожденный, / Ахейан спасть?»²⁷ Аналогично представляет присоединение Тавриды и П. Сумароков, автор «Пу-

²² Сумароков А. П. Ода XXIV. Государыне Императрице Екатерине Второй, на день коронавания ея сентября 22 дня 1770 года // Полн. собр. всех соч., в стихах и прозе. М., 1787. Ч. 2. С. 104.

²³ Петров В. П. На взятие Хотина // Соч. СПб., 1811. Ч. 1. С. 49.

²⁴ Голицын Ф. Песнь на рождение <...> Константина Павловича, сочиненная в Сарском Селе апреля 27 дня 1779 года // Академические известия. 1779. Ч. 2. С. 58.

²⁵ Державин Г. Р. На взятие Измаила // Соч. СПб., 2002. С. 103.

²⁶ Херасков М. М. Владимир // Херасков М. М. Эпические творения. М., 1787. Ч. 2. С. 240, 244.

²⁷ Державин Г. Р. На взятие Измаила. С. 102.

тешества по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году»: «...в 1783 году Россия обратила взор на древнее свое завоевание, и Таврида, претерпевшая толикия над собою превратности, приобрелась наконец под ее державу и составляет ныне прелестную оной область»²⁸.

Как нельзя кстати объявился и Тмутараканский камень, о котором доложил императрице А. И. Мусин-Пушкин. Вскоре появилось и описание удостоверенных камнем исконно русских земель в Крыму — «Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения» (СПб., 1794). Как отмечает М. Л. Майофис, «влияние императрицы и необходимость удовлетворения ее политических и исторических интересов читаются за каждой строкой книги, начиная с восторженного посвящения и заканчивая последним разделом — „Родословником Князей Российских, владевших в Тмутаракани от Князя Глеба Святославича, положившаго камень в Тамане, взятый из Записок Касательно Российской Истории“»²⁹. Тмутаракань как уже освоенный ментальный объект попадает и в литературные тексты. Тот же П. Сумароков пишет: «...Тмутаракань поступила <...> во владение великих князей российских, которая потом <...> и досталась им в удел, как мы то и из истории видим»³⁰.

Фантастический «проект» Екатерины оказался, по сути, нереализованным, но императрица и не стремилась к реальной организации «новой Византии» и к «освобождению Европы от врага Христова имени»³¹. В какой-то момент, несмотря на активизацию «греко/византийских» мероприятий, произошла явная подмена, оказавшаяся неожиданностью даже для самых искушенных политиков. В 1782 году Потемкин получил секретный рескрипт о занятии Крыма. Английский

²⁸ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С историческим и топографическим описанием всех тех мест // *Ландшафт моих воображений: Страницы прозы русского сентиментализма*. М., 1990. С. 305–306.

²⁹ Майофис М. Л. Тмутараканский камень в культурном строительстве конца XVIII — начала XIX века // *Философский век: Альманах*. СПб., 1999. Вып. 10. С. 133.

³⁰ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С. 305.

³¹ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. 1774–1790 // *Русский архив*. 1880. Кн. 1. С. 290.

посол сообщал, что Екатерина свой «любимый план заменила другим <...> Князь Потемкин получил от нее приказание занять и присоединить к ее владениям весь Крым и часть Кубанской области»³². Подобное «замещение» Византии Крымом почувствует позднее, во время путешествия с императрицей на юг, и французский посланник Л.-Ф. Сегюр: «Вам нужен Очаков и Аккерман: это почти то же, что требовать Константинополь»³³. Похоже, что замена Византии Крымом была до некоторой степени неожиданной и для русского сознания, устойчиво тяготевшего к идее освобождения Царьграда. Так, Державин в 1784 году публикует оду «На приобретение Крыма», в которой варьируется тема следующего «приобретения» — Византии. Много лет спустя, комментируя оду, поэт напишет, что упомянул в ней великого князя Константина, «которого государыня желала возвесть на престол, изгнав Турков из Европы, и для того обучен был греческому языку. Какие замыслы! Человек замышляет, а Бог исполняет!»³⁴

Однако для самой Екатерины никаких «замен» и «подмен» во взятии Крыма не было. Императрица в этом случае, как, впрочем, и во многих других, организует особое коммуникативное событие, которое не только построено как сообщение информации, но и включает механизмы манипуляций ее семантическими составляющими. Внешне Екатерина активно и демонстративно информирует окружающих о своих замыслах освобождения Византии и образования новой империи. Даже количество сведений об этом говорит о сугубо семиотическом характере таких «сообщений». Не случайно В. О. Ключевский скептически оценивал выстраиваемые Екатериной «испанские замки» как «дипломатический бред». Однако, заметил историк, с началом Крымской кампании этот «бред стал складываться в более определенные планы»³⁵. Поначалу планы присоединения Крыма обсуждались только императрицей и Потемкиным, следствием чего стали секретный рескрипт о Крыме и заранее приготовленный тайный манифест о

³² Лорд Мальмсбюри о России в царствование Екатерины II // Русский архив. 1874. № 11. Стб. 889.

³³ Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 436.

³⁴ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 255–256.

³⁵ Ключевский В. О. Соч.: В 8 т. М., 1958. Т. 5. С. 50, 51.

присоединении (подписан Екатериной 8 апреля 1783 года, дата официального присоединения — 8 января 1784). Внутренняя точка зрения на планируемые итоги русско-турецкой войны, как представляется, и выражает истинную семантику поступков императрицы: целью трезвого политика был именно Крым, и как геополитическое, и как особое «смысловое» пространство. Крым, казавшийся вначале лишь частностью в семиосфере «византийских» притязаний, окруженный постоянно реализующимися в дискурсивных практиках «константинопольскими» мотивами и сюжетами, предельно сблизился по своей семантике с Грецией/Византией и в конечном итоге смог стать ее метонимическим знаком и заменой.

Важнейшим мероприятием «греческого проекта» стало путешествие Екатерины в Крым (1787). Оно было откровенно идеологическим, то есть путешествием в мир идей — «в высшей степени серьезных, поистине государственного масштаба»³⁶. Сама Екатерина, как это описал австрийский император Иосиф, путешествовавший с ней, находилась все время «в восторженном состоянии по поводу всего, что она видит и при мысли о новой степени величия и могущества, на которую это возводит Русскую империю»³⁷. То же фиксирует в своих «Записках» А. Храповицкий: «Говорено с жаром о Тавриде: „Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то“»³⁸. Главным идеологическим моментом этого путешествия был, на наш взгляд, сам маршрут выбранного пути: двигаясь из Петербурга к Крыму, Екатерина демонстративно посещает Москву, Владимир, Киев и Херсон. Этот путь, изображенный на медали, выбитой в честь путешествия, был представлен в виде карты, верхним пунктом которой был Санкт-Петербург, а нижней — Крым, и обозначен как «Путь на пользу»³⁹. Символически он прочитывался как *возвращение к себе*, к древним

³⁶ Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 416.

³⁷ Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу графу Ласси во время его путешествия в Херсон и Крым в 1787 году // Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 364.

³⁸ Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. С. 30.

³⁹ Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым // Исторический вестник. 1885. № 9. С. 457.

истокам: Древней Руси и «источнику нашего христианства». Так Екатерина использовала специфику национального чувства и национальной традиции для создания образа своей империи — «великой и древней», которая теперь уже не противостоит «новой», как при Петре, а авторитетно удостоверяет ее как истинную, имеющую корни, родословие и сакральные источники «царения».

Концепт *возвращения* был актуализован в сознании нации уже в день коронации Екатерины, например, в фейерверке, который так и назывался — «Возвращение Златого века» (1763). Теперь европеизированной «новой России» Петра, по-прежнему неоднозначно воспринимавшейся русским человеком, Екатерина противопоставила идею возвращенной или обновленной «древней России». Именно поэтому свою «новую Россию» она сделала только частью империи: екатерининская Новороссия (Новороссийская губерния), столицей которой должен был стать Екатеринослав, была образована на отвоеванных по планам «греческого проекта» землях в 1764 году. Устройство ее, как показал А. М. Панченко, и было ориентировано на сопоставление Екатерины с Петром и его цивилизаторскими усилиями⁴⁰. Идею «обновления» хорошо понимали и современники императрицы. Так, в «Зерцале Российских Государей» Т. Мальгина подчеркнуто говорится о том, что Екатерина «Крым или Херсон Таврический <...> очистив и покорив державе своей, *обновила* древнее святилище с великою пользою. Там Великий Владимир веру в Христа торжествующую приял, а великая Екатерина попоранную *воздвигла и обновила*»⁴¹.

Закономерно, что завоеванному Крыму придавались «райские» черты «земли обетованной». Показательны в этом отношении оценки Потемкина, который писал Екатерине в 1782 году: «Естьли твоя держава — кротость, то нужен и России рай. Таврический Херсон! Из тебя истекло к нам благочестие: смотри, как Екатерина II паки вносит

⁴⁰ Панченко А. М. О русской истории и культуре. С. 422–424.

⁴¹ Мальгин Т. Зерцало Российских Государей с 862 по 1789 год, изображающее их родословие, союзы, потомство, время рождения, царствования и кончины и вкратце деяния с достопамятными происшествиями. СПб., 1789. С. 142.

в тебя кротость христианского правления»⁴². В «Путешествии» П. Сумарокова дано, как пишет сам автор, «изображение сего обетованного края, который, составляя лучшую часть России, есть истинное для нее сокровище»⁴³. Образ «Эдема в Тавриде» был в целом характерен для русской культуры и литературы конца XVIII — начала XIX века⁴⁴.

Одновременно Крым переосмыслялся и как греческое пространство. Старым городам давали новые «греческие» имена: Севастополь, Симферополь, Феодосия (Кафа), Евпатория (Гулев), Левкополь и т. д.⁴⁵. Таким образом, Крым становится пространством устройства «новой Греции». Различного рода греческими ассоциациями сопровождается и путешествие императрицы в Крым, ими полны ее письма внукам — Александру и Константину, последний и предназначался в императоры будущей Византии. В письмах императрицы Константин, не поехавший в Крым только из-за болезни, как бы незримо присутствует в своих «греческих владениях»: «...я слушала греческую речь; я не поняла ни одного слова, потому что вас не было со мною. <...> Если бы вы были здесь, то могли говорить по-гречески сколько угодно; здесь очень много греков»⁴⁶. Екатерина и себе легко «приписывала» эллинские черты; для своих современников она была «российской Минервой», ей писали оды на древнегреческом языке (например, ода «Екатерине II <...> истинной покровительнице греков, сочиненная на эллиногреческом языке» Г. Балдани).

Эллинские ориентации оказываются очень важным компонентом идеологических стратегий Екатерины. Уже после возвращения из путешествия она пишет один из программных своих текстов — оперу «Начальное правление Олега» (1790), в которой и представлена ее

⁴² Цит. по: Лопатин В. С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 66.

⁴³ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. С. 370.

⁴⁴ См.: Зорин А. Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 95–122.

⁴⁵ Подробнее см.: Медведева И. Таврида: Исторические очерки и рассказы. Л., 1956. С. 97–102.

⁴⁶ Цит. по: Брикнер А. Г. Путешествие Екатерины II в Крым. С. 446.

основная имперская концепция. Грандиозное действие пьесы построено на совмещении трех стилистических пластов. Они, переплетаясь между собой, образно представляют на разных уровнях (словесном и музыкальном), но тем не менее в целостном единстве «Древнюю Русь» (свадьба Игоря и стилизация русских народных песен, сочиненных в том числе и самой императрицей), «новую Россию» (торжественные гимны на слова Ломоносова), «Грецию/Византию» (стилизация древнего унисонного пения на слова Еврипида, хотя действие происходит в Константинополе). Как явствует из «Объяснений» композитора, подобная конструкция создавалась по прямому указанию императрицы.

Образ «языческой Греции» позволяет, оперируя традиционными мифологемами и схемами, существенно изменить даже основополагающую для национального самосознания концепцию «преемства от Греции». Важно при этом настойчивое стремление императрицы, пусть и декларативное, отделить будущую Греческую империю от России, вопреки прежним русским идеям о полном присвоении византийского наследия: не она будет короноваться в Византии (как это предполагал Миних для Анны Иоанновны), две державы должны существовать как отдельные государства. При всей внешней незначительности задуманных пространственных операций они имели самое серьезное значение, поскольку моделировали особую «историческую» перспективу. Если в Крыму реконструируется «древняя Греция» и если императором Византии будет внук Екатерины, то водружение «креста на Святую Софию» осуществляет Россия. И в этом случае уже Греческая держава будет «преемствовать» от России, получив от нее политическую и религиозную независимость. Таким образом, истинно православная держава дарует грекам «свет», то есть репродуцирует новую Византию. Эта идея видна в письмах и записках самой Екатерины. Так, императору Иосифу она писала о своем намерении «восстановления древней Греческой империи на развалинах ныне господствующего на прежнем месте варварского владычества»⁴⁷. Откровенно выразил ту же мысль «карманный стихотворец» Екатерины — В. Петров: «Прими,

⁴⁷ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом II. С. 290.

нещастна Византия, / Тот свет от Россов, кой Россия / Прияла древле от тебя» (ода «На взятие Хотина», 1769)⁴⁸. «Просвещение» греков Екатериной подразумевает и Державин в своей оде «На приобретение Крыма», о чем прямо пишет в комментариях к ней⁴⁹.

Таким образом, Крым и стал в русском сознании заменой Византии, метонимическим ее присвоением и тем этнокультурным символом, который позволил русскому сознанию почувствовать византийское наследие реальным завоеванием. Россия в таком случае полностью вбирала в себя великую империю, замещала на ее не только в политическом, государственном, но и, главное, в духовно-религиозном смысле. Закономерно, что именно вторая половина XVIII столетия стала временем столь интенсивного освоения семантического потенциала Крымского мифа и идеи «Византийского наследия». Как писал И. П. Смирнов, «в травматической ситуации субъекту, коллективно-му или одиночному, недостает бытия, с которым он привык себя ассоциировать», а потому «группы и личности <...> вынуждены устойчиво возвращаться к некоторому первоначальному для них присутствию в отсутствии»⁵⁰. Византия всегда была тем объектом, который так или иначе входил в ментальный универсум языка самоидентичности и самоопределения Руси, а возвращение к ней обеспечено действительно кризисным характером начала царствования Екатерины II. Это выражалось и в весьма болезненных для русского самосознания династических «происшествиях» эпохи, и в более поздних социальных катаклизмах начала 1770-х годов, ознаменованных знаковым противопоставлением «истинного царя» и «немки-императрицы». Потому и культурные инициативы «немки» были четко ориентированы на то, чтобы, как заметил остроумный П. Вяземский, «переделать нас в русских»⁵¹. Постепенно в русской культуре все более актуальным становится интерес ко всему «коренному русскому» (Н. М. Карам-

⁴⁸ Петров В. Сочинения. СПб., 1811. Ч. 1. С. 47.

⁴⁹ См.: Державин Г. Р. Избранная проза. С. 256.

⁵⁰ Смирнов И. П. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. Wien, 1991. С. 176 (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 28).

⁵¹ Вяземский П. А. Записные книжки // Русские мемуары: Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989. С. 527.

зин). Причем «коренное русское» — это именно область обычая, «народных склонностей», национального предания, пусть и мифологического, но питающего национальное чувство: «пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к отечеству и нравственной силе оно!»⁵² Обратив внимание на Крым и умело манипулируя «памятью» этнокультурного сознания, Екатерина сумела придать и своей эпохе необходимые мифо-легендарные и вместе с тем подчеркнута национальные черты «золотого века России».

---

⁵² Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 34.